

Научная статья / Research Article

УДК 903.01(470.41)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-04)

EDN: PSZNCK

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА ИЗ РАСКОПОК ТЕТЮШСКОГО-II ГОРОДИЩА В ТАТАРСТАНЕ

Константин Александрович Руденко

Казанский государственный институт культуры, Казань, Россия;

murziha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287>

Резюме. В статье обобщены материалы, связанные с изделиями из кости рога из раскопок Тетюшского-II городища. Оно изучалось в 2007–2013 гг. К. А. Руденко. Памятник имеет хорошую стратиграфию, что позволяет датировать находки по этим данным. Нижние отложения культурного слоя сформировались в эпоху позднего бронзового века — начала эпохи раннего железного века. Основная часть культурного слоя этого городища сформировалась в раннем средневековье и относится к именьковской культурно-исторической общности. Датируются они VI–VII вв. Поэтому изделия из кости и рога относятся к этим двум эпохам. Отличительной особенностью Тетюшского-II городища является наличие здесь производственного комплекса, связанного с металлургией железа, кузнечным делом, а также обработкой цветных металлов. Это накладывает отпечаток на материальную культуру этого памятника, в том числе на ассортимент изделий из кости и рога. Всего в культурном слое, как и в древних сооружениях, зафиксировано 85 этих артефактов — целых и фрагментированных. Их можно разделить на шесть групп. Группа I — сырье и отходы производства; II — украшения и детали костюма, III — инструменты; IV — детали конской упряжи и снаряжения; V — предметы охоты; VI — изделия неопределенного назначения. Для группы V выделен класс предметов специального назначения — наконечники стрел. Больше всего изделий, относящихся к группе II, — 47,1% от всех находок. Количественное преобладание изделий группы II связано, с одной стороны, с широкой распространенностью украшений в быту древнего населения, а с другой — присутствием в ней материалов разных хронологических периодов. Это относится к украшениям из когтей и клыков хищных животных — вепря и медведя. Встречаются также украшения из зубов и челюстей куниц. Интересны предметы групп IV и V. Среди них специальная насадка на конские удила, характерная для кушнаренковской культуры, которую связывают с кочевыми уграми. Интересна небольшая серия костяных наконечников стрел. Эти наконечники связаны с финалом раннего периода в истории Тетюшского-II городища. Датируются они VI в. Только один наконечник стрелы из кости относится к эпохе раннего железного века. Было установлено, что изделия из кости и рога изготавливались индивидуально, отражая способности и умения отдельных жителей этого городища. Украшения из клыков и зубов животных нередко были амулетами. Большое их число относится к эпохе раннего железного века.

Ключевые слова: Тетюшское-II городище, именьковская культура, пряжки из рога, наконечники стрел из кости, украшения и инструменты из кости, датировка, материальная культура, обработка рога, типология

Для цитирования: Руденко К. А. Изделия из кости и рога из раскопок Тетюшского-II городища в Татарстане // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 3. С. 76–102. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-04)

BONE AND HORN PRODUCTS FROM THE EXCAVATIONS OF THE TETYUSHI-II HILLFORT IN TATARSTAN

Konstantin A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia;
murziha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287>

Abstract. The article summarizes the materials related to bone and horn products from the excavations of the Tetyushi-II hillfort. It was studied in 2007–2013 by K. A. Rudenko. The site has good stratigraphy, which allows dating these finds based on these data. The lower deposits of the cultural layer were formed in the Late Bronze Age — the beginning of the Early Iron Age. The main part of the cultural layer of this settlement was formed in the early Middle Ages and belongs to the Imenkovo cultural and historical community. They are dated to the 6th–7th centuries. Therefore, bone and horn products belong to these two eras. A distinctive feature of the Tetyushi-II hillfort is the presence of an industrial complex associated with iron metallurgy, blacksmithing, and non-ferrous metal processing. This leaves an imprint on the material culture of this site, including the range of bone and horn products. In total, 85 of these artifacts, both whole and fragmented, were recorded in the cultural layer and in ancient structures. They can be divided into six groups. Group I — raw materials and production waste; II — decorations and costume details, III — tools; IV — horse harness and equipment details; V — hunting items; VI — items of indefinite purpose. For group V, a class of special-purpose items was identified — arrowheads. The largest number of items belong to the second group — 47,1% of all finds. The quantitative predominance of items in group II is due, on the one hand, to the widespread use of decorations in the everyday life of the ancient population, and on the other — to the presence of materials from different chronological periods. This applies to decorations made from the claws and fangs of predatory animals. These are boar and bear. There are also decorations made from the teeth and jaws of martens. Items from the fourth and fifth groups are interesting. Among them is a special attachment for a horse bit, which is typical of the Kushnarenkovo culture, which is associated with the nomadic Ugrians. Of interest is a small series of bone arrowheads. These arrowheads are associated with the end of the early period in the history of the Tetyushi-II hillfort. They are dated to the 6th century AD. Only one bone arrowhead dates back to the early Iron Age. It was established that bone and horn items were made individually, reflecting the abilities and skills of individual residents of this settlement. Ornaments made from animal fangs and teeth were often amulets. A large number of them date back to the early Iron Age.

Keywords: Tetyushi-II hillfort, Imenkovo culture, horn buckles, bone arrowheads, jewelry and tools made of bone, dating, material culture, horn processing, typology

For citation: Rudenko K. A. Bone and Horn Products from the Excavations of the Tetyushi-II Hillfort in Tatarstan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(3):76–102. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-04)

Введение
Тетюшское-II городище в г. Тетюши в Татарстане, стационарно изучавшееся с 2007 по 2013 г. (раскопы I–IX), является многослойным стратифицированным археологическим памятником. Основные отложения его культурного слоя сформировались в VI–VII вв. и относятся к именковской культурно-исторической общности (далее — КИО). Нижние напластования, частично сохранившиеся на раскопах III и IX, — следы жизнедеятельности людей, обитавших здесь в эпоху поздней бронзы — в начале

раннего железного века. В культурном слое памятника имеются находки азелинского времени III–IV вв. н.э. (Руденко, 2010, с. 83–104).

Одним из основных занятий жителей этого поселения в именковское время была металлургия железа и плавка цветного металла (Руденко, 2019). Это накладывало отпечаток на материальную культуру данного памятника в целом и на бытование тех или иных категорий изделий, в том числе из кости и рога. Последние не редкость у населения именковской КИО, азелинской культуры, как и у обитателей этих мест в более ранние эпохи. Коллекция изделий из рога и кости, полученная при исследовании Тетюшского-II городища, может содержать находки разных периодов его существования.

Косторезное дело, как и ассортимент артефактов из кости и рога, вышеуказанных хронологических периодов существования Тетюшского-II городища освещены в археологической литературе. Однако специального исследования костяных именковских поделок нет. Начальная систематизация артефактов из кости и рога именковской КИО была сделана П. Н. Старостиным в конце 1960-х гг. (Старостин, 1967, с. 22, 23, 27, табл. 16; 18). Недавно была опубликована статья об именковских амулетах-натуралиях с нескольких именковских памятников (Петрова и др., 2024). В ней упомянуты находки с Тетюшского-II городища по публикациям К. А. Руденко, но, к сожалению, с неточностями и ошибками (Петрова и др., 2024, с. 726, 727, рис. 4.-29–33, табл. 1, № 18–33).

Материалы и методы

Обработке кости и рога с древности и до сегодняшнего дня посвящена обширная литература. Имеются публикации археологического и исторического характера и по современным косторезным промыслам. Даже краткий обзор их требует отдельного исследования. Применительно к рассматриваемому материалу отметим монографию А. П. Бородавского по находкам I тыс. до н.э. — 1-й половины II тыс. н.э. Западной Сибири, где рассмотрены технологические аспекты косторезного дела (Бородавский, 1997). В плане систематизации различных категорий археологических артефактов из кости и рога в хронологическом интервале от бронзового века и до эпохи Великого переселения народов стоит отметить исследование коллектива авторов по материалам памятников Вятского бассейна раннего железного века (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006), а также монографию Н. А. Кренке по итогам изучения Дьякова городища и памятников этого типа середины — 2-й половины I тыс. н.э. (Кренке, 2011). В контексте изучения памятников именковской КИО отметим уже упоминавшуюся монографию П. Н. Старостина (1967). Из близких по времени существования раскопанных памятников внимания заслуживают исследования городищ Ош Пандо и Уфа-II (Степанов, 1967; Мажитов и др., 2009).

В литературе существует достаточно большое количество разработок по систематизации изделий из кости и рога с разными подходами и классификационными признаками. На основе их и недавно опубликованных результатов типологического анализа украшений-натуралий Пермского Предуралья (Крыласова, Косинцев, 2021) были систематизированы изделия из кости и рога по исследованиям Тетюшского-II городища 2007–2013 гг.

Остеологические материалы из раскопок этого памятника многочисленны и представлены костными остатками как домашних, так и диких животных, при преоб-

ладании первых. Определение их из раскопов I–VII было проведено А. Г. Петренко и Г. Ш. Асылгараевой. Материалы раскопов VIII–IX изучались Г. Ш. Асылгараевой, И. В. Аськеевым и Д. Н. Галимовой (Аськеев И. В., Галимова, Аськеев О. В., 2012). Несмотря на значительное количество остеологических данных, костей со следами обработки, как и изделий из кости и рога, на Тетюшском-II городище относительно немного. Коллекция находок с этого памятника насчитывает 87 экземпляров целых и фрагментированных артефактов. Найдены они и в культурном слое, и в сооружениях. Для их изучения нами использовались дискриптивный, стратиграфический, планиграфический, типологический, историко-культурный методы, а также метод аналогий.

Полученные результаты

Рассматриваемые изделия по назначению разделены на шесть групп. Группа I — сырье и отходы производства; II — украшения и детали костюма, III — инструменты; IV — детали конской упряжи и снаряжения; V — предметы охоты; VI — изделия неопределенного назначения. По характеру предметов в каждой группе выделены отделы (1, 2...) и виды (А, Б...). Первые определяются, как правило, по состоянию исходной заготовки — из целой кости или расщепленной или же из определенной части скелета животного, а также по ряду других критериев, если речь идет об инструментах. Виды диагностируются по узкой специализации изделий. По морфологическим признакам, а также размеру, пропорциям и сечению определяются типы (1, 2...). Для группы V часть предметов специального назначения — наконечники стрел описаны как отдельный класс. В группе II имеются подтипы, связанные с нюансами строения зубочелюстного аппарата животных, относящегося к лицевому отделу черепа.

Наиболее представительна группа II — 41 экз. (47,1%). Следующей по количеству артефактов является группа III — 23 экз. (26,4%). Остальные группы изделий из кости и рога примерно равнозначны: группы I и V — по 8 экз. каждая (9,2%); группы IV и VI соответственно 3 и 4 экз. (3,5% и 4,6%). Количественное преобладание изделий группы II связано, с одной стороны, с широкой распространенностью украшений в быту древнего населения, а с другой — присутствием в ней материалов разных хронологических периодов. При этом украшения-натуралии по морфологическим признакам фактически неотличимы друг от друга, будь они сделаны в начале I тыс. до н.э. или в 3-й четверти I тыс. н.э. Эта ситуация проецируется и на значительную часть артефактов из группы III. Часть древних украшений могла бытовать и вторично, спустя длительное время, как особенный или экзотичный предмет.

Группа I — сырье и отходы производства (8 экз.)

Вид А: обрезки и спилы рогов диких животных (4 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 1.-7) спил края лосиной лопаты (11,5×5,5×4 см). Диаметр отростка около 3 см (2,8×3,2 см). Он имеет подовальную форму 5,5×3,7 см. С одной стороны артефакта имеются следы первичного стесывания шириной 0,8 см и зарубка глубиной 0,6 см (Бородовский, 1997, с. 167, табл. 6). Спилы ровные, без заусенцев. Найден: I/20–2² (Руденко, 2019, с. 23, ил. 35). Рядом обнаружена крестовина для наматывания ни-

² Римской цифрой указан раскоп, далее — номер участка или ямы и через дефис: пласт или выборка.

ток типа III/Б-1. Кости лосей на данном памятнике встречаются редко и в основном принадлежат молодым особям (Аськеев И. В., Галимова, Аськеев О. В., 2012, с. 14, табл. 3).

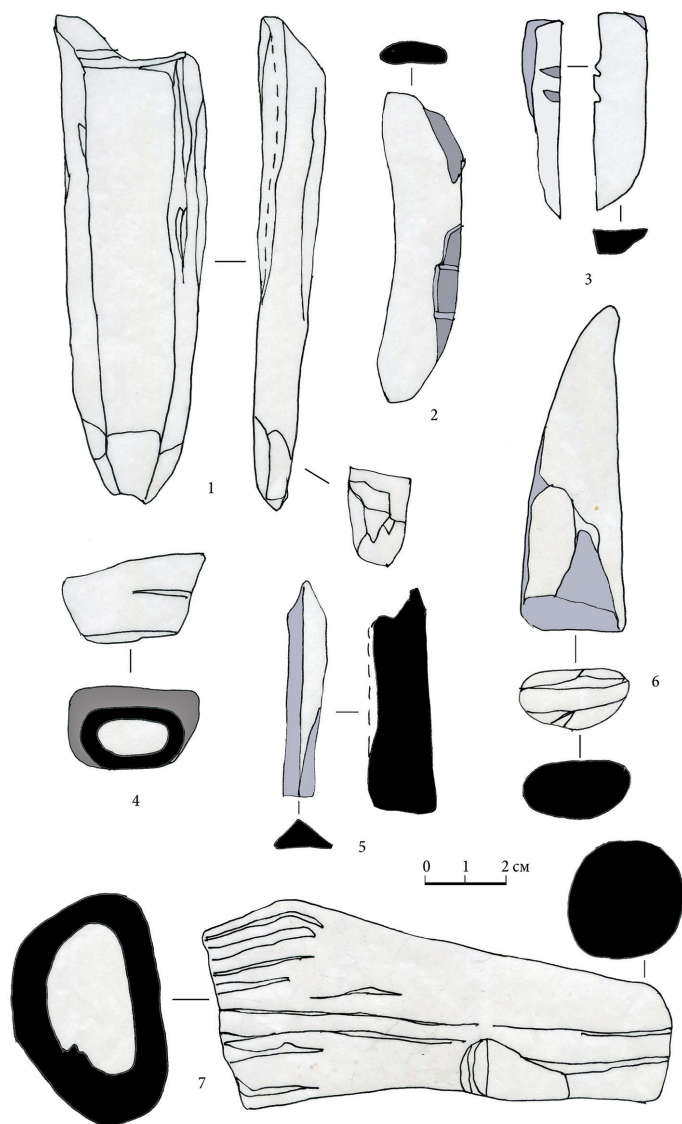

Рис. 1. Заготовки из рога (1, 6) и отходы косторезного производства; 3, 5 — раскроенные трубчатые кости; 2 — фрагмент тазовой кости (?); 4, 7 — спилы рогов; 6 — отросток рога (1 — IV/7-1, № 4 по плану, глубина — 29 см; 2 — IX/с. 2, № 95 по плану; 3 — IX/1-1; 4 — IX/5-3; 5 — IX/7-3; 6 — II/3-4, № 40 по плану; 7 — I/20-2, № 77 по плану раскопа, глубина — 51 см)

Fig. 1. Horn blanks (1, 6) and bone carving waste. 3, 5 — cut tubular bones; 2 — pelvic bone fragment (?); 4, 7 — antler cuts; 6 — antler process (1 — IV/7-1, No. 4 according to plan, depth — 29 cm; 2 — IX/c.2, No. 95 according to plan; 3 — IX/1-1; 4 — IX/5-3; 5 — IX/7-3; 6 — II/3-4, No. 40 according to plan; 7 — I/20-2, No. 77 according to excavation plan, depth — 51 cm)

Тип 2 (1 экз.) (рис. 1.-4) спил полого рога (3,3×2,2×2 см) со следами состругивания, вытянутой формы с небольшим изгибом. Сечение овальное. Найден: IX/5–3.

Тип 3 (1 экз.) спил рогового отростка (3,8×1,7×1,5 см) с круглым каналом диаметром 0,8 см. На фрагменте имеются следы зарубок, строгания, а также повреждения от зубов животного.

Тип 4 (1 экз.) (рис. 1.-6) отесанное окончание рогового отростка (8×2×1,7), овального сечения (2×1,7 см), полученное на финальной стадии обработки (Бородовский, 1997, с. 167, табл. 6). На торцевой стороне с обеих сторон фиксируются следы надрубов глубиной 0,5 см, причем посередине осталась перемычка шириной 0,4–0,6 см, которая была переломлена, после чего заглажена на абразиве. У основания отростка заметны следы стесывания. Видимо, поделка использовалась в качестве инструмента — острие ее заполировано. Не исключено, что это часть утилизированного псалия. Найден: II/3–4. Практически идентичный обрезаек рога найден на Тетюшском-II азелинском могильнике в погр. 229 (Казаков, 2009, с. 31, 37, рис. 4.-15). Аналогичный артефакт обнаружен на городище Уфа-II (Мажитов и др., 2009, с. 243, рис. 121.-7).

Вид Б: раскроенные трубчатые кости (3 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 1.-5) фрагмент колотой трубчатой кости (5,35×1,8×0,7 см) треугольного сечения с полированной поверхностью на плоской стороне. Найден: IX/7–3.

Тип 2 (1 экз.) (рис. 1.-3) фрагмент осколка трубчатой кости подпризматической формы (5×1,3×1 см) треугольного сечения. На боковой грани имеются следы подпилов. Найден: IX/1–1.

Тип 3 (1 экз.) (рис. 1.-1) кусок раскроенной трубчатой кости (18×3,8–2,8×1,6 см) подтрапцевидной формы со следами обтесывания. Окончание заострено тремя широкими срезами. Найден: IV/7–1 (Руденко, 2011, с. 41, рис. 29.-8). Возможно, заготовка скобеля.

Вид В: ребра животных (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 1.-2) фрагмент ребра (7,6×1,6×0,75 см) со следами обработки — имеются срезы и зарубки по краю, а также с торцевых сторон. Найден: IX/2–1. Мог использоваться как скобель.

Группа II — украшения и детали костюма (41 экз.)

Отдел 1: украшения-натуралии (39 экз.)

Вид А: клыки диких животных (29 экз.)

В зависимости от вида животного, кому принадлежал клык или коготь, выделяют типы; по степени обработанности — подтипы.

Тип 1 (3 экз.) (рис. 2.-13, 19) клыки медведя (*Ursus*) без следов обработки, крупные, массивные, с высокой заостренной острровершинной эмалевой коронкой. Последняя имеет треугольную форму и утолщается у основания. Клыки этого типа все большие, овального или круглого сечения (1,2–1,5×0,8–1 см); размер — 8×2,5×1,2–1,5 см. Найдены: III/20–4 и III/4–5. Встречен фрагментированный экземпляр — нижняя часть шейки и эмалевая коронка (рис. 2.-18). Последний найден: III/я.5-в.3. Судя по этнографическим материалам, клыки медведя без обработки использовались в традиционной культуре многих народов как обереги, а также как элементы шаманского костюма (Харючи, 2012, с. 61; Лар, Ощепков, Повод, 2003, с. 99).

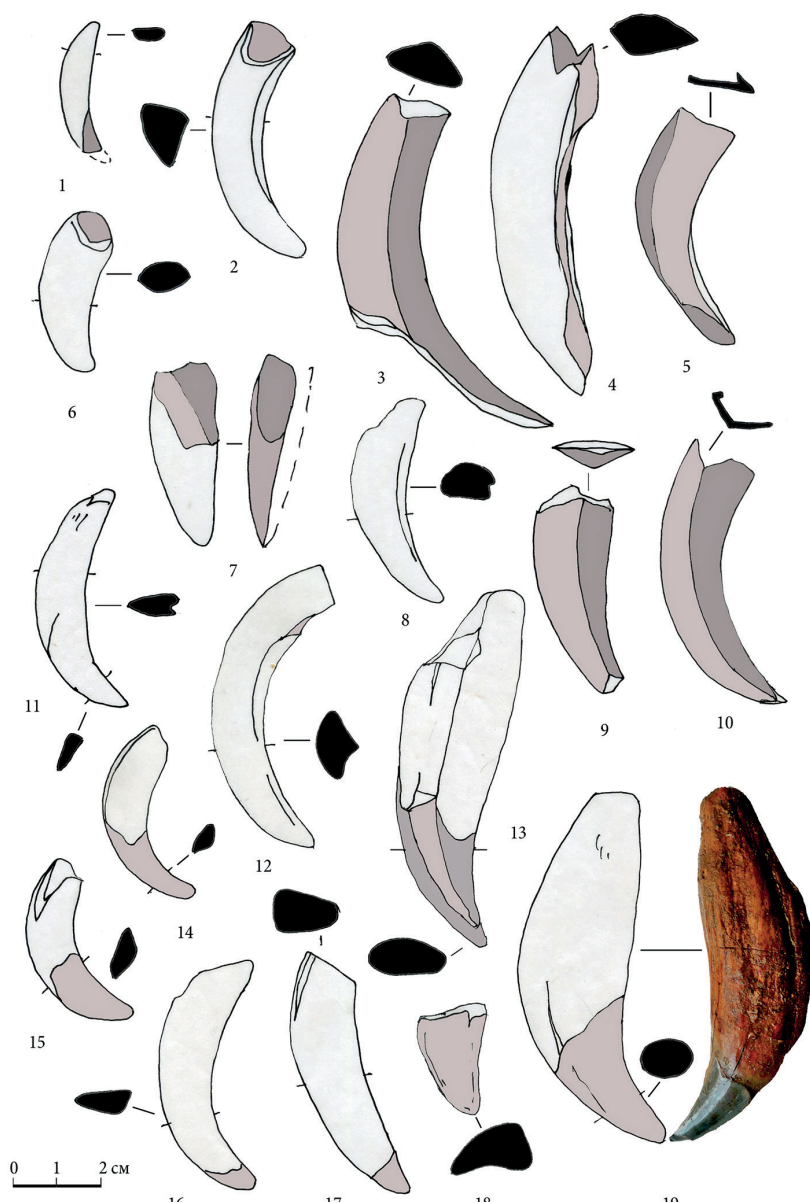

Рис. 2. Изделия и украшения из клыков животных, в том числе медведя (7, 18, 19) и кабанов (2–5, 8–13, 15, 16) (1 — V/я.1-в.6, № 3 по плану, глубина –143 см; 2 — IX/6–4, № 71 по плану, глубина –188 см; 3 — IX/4–2, № 9 по плану, глубина –81 см; 4 — IX/1–2, № 11 по плану, глубина –163 см; 5 — IX/6–4; 6 — IX/9–2; 7 — IX/7–5, 8 — VII/2–4, № 46 по плану, глубина –99 см; 9 — I/я.6-в.3; № 1 по плану, глубина –139 см; 10 — VII/я.4-в.4; № 3 по плану, глубина –194 см; 11 — I/я.4-в.2, № 8 по плану, глубина –200 см; 12 — III/12–4, № 109 по плану, глубина +108 см; 13 — III/4–5, № 129 по плану, глубина –46 см; 14 — III/я.2-в.1, глубина +112 см; 15 — III/я.3-в.2, № 14 по плану, глубина +58 см; 16 — III/я.2-в.2, № 19 по плану, глубина –83 см; 17 — VII/3–4, № 53 по плану, глубина –92 см; 18 — III/я.5-в.3, № 7 по плану, глубина –42 см; 19 — III/20–4, № 115 по плану, глубина +117 см)

Fig. 2. Articles and ornaments made of animal tusks, including bear (7, 18, 19) and wild boar (2–5, 8–13, 15, 16) (1 — V/ya.1-v.6, No. 3 according to plan, depth –143 cm; 2 — IX/6–4, No. 71 according to plan, depth –188 cm; 3 — IX/4–2, No. 9 according to plan, depth –81 cm; 4 — IX/1–2, No. 11 according to plan, depth –163 cm; 5 — IX/6–4; 6 — IX/9–2; 7 — IX/7–5; 8 — VII/2–4, No. 46 according to plan, depth –99 cm; 9 — I/ya.6-v.3; No. 1 according to plan, depth –139 cm; 10 — VII/ya.4-v.4; No. 3 according to plan, depth –194 cm; 11 — I/ya.4-v.2, No. 8 according to plan, depth –200 cm; 12 — III/12–4, No. 109 according to plan, depth +108 cm; 13 — III/4–5, No. 129 according to plan, depth –46 cm; 14 — III/ya.2-v.1, depth +112 cm; 15 — III/ya.3-v.2, No. 14 according to plan, depth +58 cm; 16 — III/ya.2-v.2, No. 19 according to plan, depth –83 cm; 17 — VII/3–4, No. 53 according to the plan, depth –92 cm; 18 — III/я.5-в.3, No. 7 according to the plan, depth –42 cm; 19 — III/20–4, No. 115 according to the plan, depth +117 cm)

Тип 1а (1 экз.) (рис. 2.-17) клык медведя без следов обработки средний. Представлен одним экземпляром с отпиленным корнем (4,8×1,2×1,4 см); найден: IX/7–5.

Чаще всего предметы этих типов встречены в отложениях IV и V слоев. В IV слое, как правило, в переотложенном виде из нижележащего слоя V. Именно в этих напластованиях обнаружены и другие кости медвежьего скелета: III/2–4, IV/5–2, IV/1–4; в нескольких случаях они были найдены в заполнении хозяйственных ям: IV/я.2-в.1, IV/я.3; VI/я.1-в.3. В основном кости медведей встречены на раскопе IV; на других раскопах это единичные находки (Руденко, 2011, с. 16, 38, 39, 104–105, рис. 6.-4, приложение 2). По результатам археозоологических исследований кости принадлежали бурым медведям разных возрастов (Аськеев И. В., Галимова, Аськеев О. В., 2012, с. 13, 14, рис. 4.-6, табл. 3).

Украшение из клыка медведя найдено в погребении 52 Тетюшского-I могильника эпохи поздней бронзы — раннего железного века, что характерно и для других памятников этой эпохи (Халиков, 1977, с. 60, 61, рис. 24.-В/5; Збруева, 1952, с. 243, табл. XLV.-1; LVI.-4; Антипина, 2004, с. 206, рис. 7.-5). Что касается материалов Тетюшского-II городища, то полностью исключать изготовление и бытование украшений из клыков и когтей медведей из комплекса находок именьковского времени не стоит. Кстати, такие украшения известны и в постыменьковское время, например, медвежий клык встречен в погребении 8 Больше-Тарханского могильника второй половины VIII–IX в. (Генинг, Халиков, 1964, табл. XVIII.-4). Кроме того, медвежьи клыки могли использоваться и как инструменты для распутывания узлов на кожаных ремнях (Крыласова, Косинцев, 2021, с. 87).

Тип 2: клыки кабана/вепря (*Sus scrofa*) (11 экз.)

В строении и размерах клыков самцов и самок кабанов имеются отличия: нижние клыки у самцов в сечении трехгранные, длиной до 23 см, верхние — округлые, длиной до 14 см; у самок нижние клыки трехгранно-округлые, длиной до 10 см, а верхние — плоские, в среднем 5,5 см (Козло, 1975, с. 85–91, табл. 25). Найденные на Тетюшском-II городище клыки относительно небольшие и не достигают максимальных размеров. По морфологическим признакам выделены подтипы, обозначенные буквами русского алфавита.

Тип 2а (3 экз.) (рис. 2.-11, 14, 15) нижние клыки самки кабана трехгранно-округлые; размеры — 4–4,9×1,2–1,3×0,3–0,8 см. Найденны: III/я.2-в.1, III/я.3-в.2, I/я.4-в.2.

Тип 2б (1 экз.) (рис. 2.-2, 12, 16) нижние клыки самца кабана, трехгранные в сечении; размер 5,6×1,5×1,1 см, а также треугольного или секторовидного сечения (6,5–4,4×1,9–1,3×0,4–1 см) (рис. 2.-12, 16). Найденны: IX/6–4, III/я.2-в.2, III/12–4.

Тип 2в (2 экз.) (рис. 2.-1, 6) верхний клык кабана малого размера, округлый, округло-линзовидный в сечении; размер — 3,4–3,2×0,8–1,2×0,4–0,75 см. Найдены: IX/9–2, V/я.1-в.6 (Руденко, 2011, с. 45, рис. 36.-1; 37).

Тип 2г (3 экз.) (рис. 2.-5, 8, 9) верхние клыки среднего размера (5,3×1,3×1,2 см), обнаружены: IX/6–4, VII/2–4, I/я.6-в.3.

Тип 2д (2 экз.) (рис. 2.-3, 4) крупного размера верхние клыки кабана, округло-линзовидные в сечении (1,2×2,3 см); размер — 8×2,3–3×1,2–2,5 см. Фрагментированы. Найдены: IX/4–2, IX/1–2. Аналогичный клык, практически целый (8,9×3×1,4 см), с просверленным отверстием диаметром 0,4 см, обнаружен на имениковском Щербетьском-1 островном селище (МА РТ, инв. № ГМТР, 14883/303). Сходный по размеру клык без отверстия зафиксирован на уровне 4–10 горизонта на городище Уфа-II (Мажитов и др., 2009, с. 318, рис. 196.-3). Фрагмент кабаньего клыка найден на Дьяковом городище (Кренке, 2011, с. 389, рис. 91.-256/82).

Как украшение клыки кабана, как правило, пара из нижней челюсти, в Поволжье встречаются с эпохи неолита — энеолита (Скоробогатов, 2020, с. 11, 20). Известны они и в эпоху железа.

Тип 3 (3 экз.) клыки животных семейства куньих (Mustelidae).

Артефакты этого типа сделаны из клыков лесной куницы (*Martes martes*) размером 3,3–3,6×0,9–1,4×0,5 см и овального сечения (рис. 2.-1; 3.-12, 13), что соответствует среднестатистическим параметрам клыков животных этого семейства (Сидорович, 1995, с. 25, 26; Ерахнович, Кирпанева, 2014, с. 201). На одном артефакте имеется сквозное отверстие диаметром 0,2 см (рис. 3.-13), на другом — след от разметки для сверления (рис. 3.-12). На третьем клыке отверстия нет (рис. 2.-1). Найдены: I/11–2, I/15–2 и V/я.1-в.6. Во втором случае изделие обнаружено у кухонного очага. Первое украшение так же зафиксировано в заполнении котлована сооружения, как и последнее (Руденко, 2010, с. 23, 122–123, рис. 13.-2; 2011, с. 45, 128, рис. 37). Дневные уровни этих объектов относятся к нижнему горизонту, III и IV слоям. Судя по стратиграфии, артефакты, включенные в этот тип, все относятся к имениковскому времени — VI–VII вв.

Кости животных семейства куньих встречаются в объектах и культурном слое Тетюшского-II городища очень редко, речь идет о двух случаях: V/я.2-в.2 и VI/7–2. Дневной уровень сооружения относится к IV слою, как и находка с участка 7, на котором на следующем пласте была выявлена яма 4 (Руденко, 2011, с. 46, 126, 127, 129, рис. 35.-2, 36, 38.-1). Куницы из раскопов были крупных размеров (Аськеев И. В., Галимова, Аськеев О. В., 2012, с. 14, табл. 3). Клыки куницы использовались как украшения в женских ожерельях (Ерахнович, Кирпанева, 2014, с. 201; Крыласова, Косинцев, 2021, с. 86, рис. 4.-1–3). Они встречаются в Волго-Уралье с эпохи раннего железного века (Гасилин, Гимранов, Косинцев, 2013, с. 146). Кстати, куница встречается в Тетюшском районе и в настоящее время.

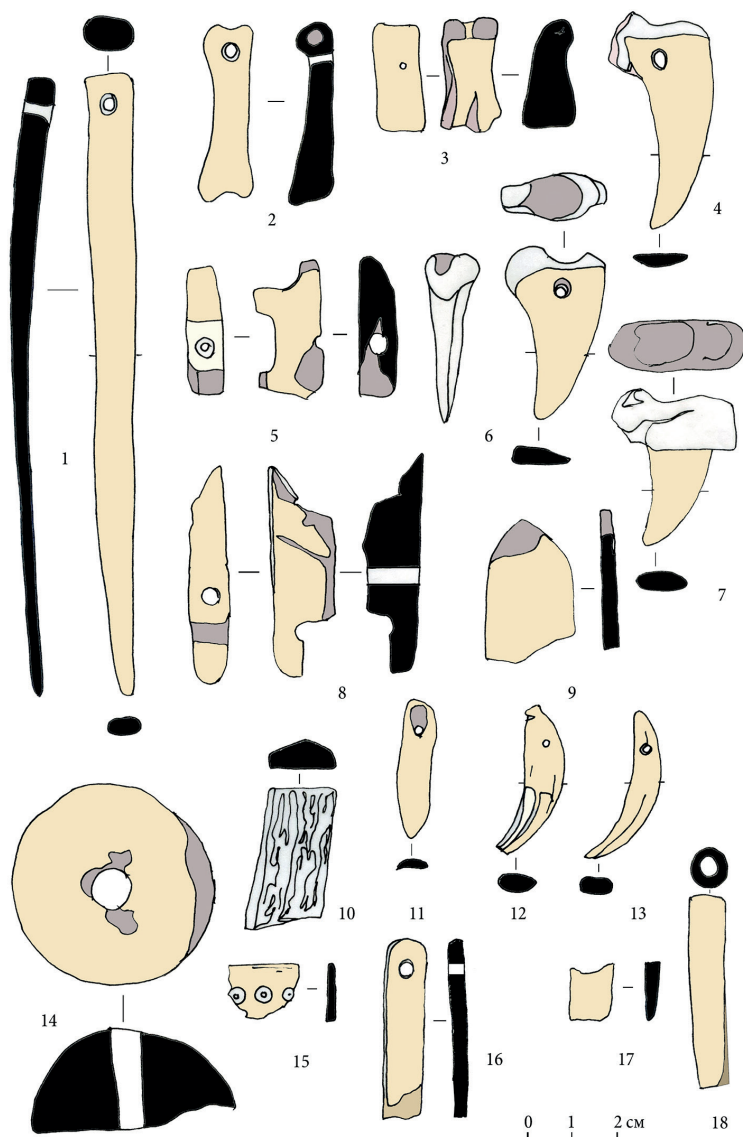

Рис. 3. Украшения, инструменты, заготовки и детали одежды. Подвески из когтей медведя (4, 6, 7), клыков животных (12, 13) и фаланги (2, 3). Роговые пряжки (5, 8), кочедык (?) (1), прясло из головки бедренной кости (14), фрагменты поделок (9, 15, 17); пластина с циркульным орнаментом (15), пластинчатые подвески (11, 16); пронизка (18), заготовка изделия (10) (1 — IX/3-2, отвал; 2 — IX/10-4, отвал; 3 — IX/1-3; 4 — III/4-6, № 135 по плану, глубина -55 см; 5 — II/7-2, № 10 по плану, глубина +68 см; 6 — VII/я.7-в.1, № 1 по плану, глубина -103 см; 7 — III/я.2-в.2, № 20 по плану, глубина -84 см; 8 — III/я.3-в.2, глубина +49 см, № 16 по плану; 9 — III/12-4, глубина +111 см; 10 — I/4-2, № 41 по плану, глубина -132 см; 11 — I/15-3, № 89 по плану, глубина -103 см; 12 — I/11-2, № 63 по плану, глубина -184 см; 13 — I/15-2, № 78 по плану, глубина -84 см; 14 — III/18, я.1-в.1, глубина +136, № 1 по плану; 15 — I/5-3, № 53 по плану, глубина -129 см; 16 — I/1-2, № 32 по плану, глубина -183 см; 17 — I/4-1, № 7 по плану, глубина -118 см; 18 — IX/6-1)

Fig. 3. Ornaments, tools, blanks and clothing components. Pendants made of bear claws (4, 6, 7), animal fangs (12, 13) and phalanges (2, 3). Horn buckles (5, 8), kochedyk (?) (1), distaff made of the head of the femur (14), fragments of handicrafts (9, 15, 17); plate with a compass ornament (15), plate pendants (11, 16); bead (18), product blank (10) (1 — IX/3-2, moldboard; 2 — IX/10-4, moldboard; 3 — IX/1-3; 4 — III/4-6, No. 135 according to plan, depth -55 cm; 5 — II/7-2, №. 10 according to plan, depth +68 cm; 6 — VII/ya.7-v.1, No. 1 according to plan, depth -103 cm; 7 — III/ya.2-v.2, No. 20 according to plan, depth -84 cm; 8 — III/ya.3-v.2, depth +49 cm, No. 16 according to plan; 9 — III/12-4, depth +111 cm; 10 — I/4-2, No. 41 according to plan, depth -132 cm; 11 — I/15-3, No. 89 according to plan, depth -103 cm; 12 — I/11-2, No. 63 according to plan, depth -184 cm; 13 — I/15-2, No. 78 according to plan, depth -84 cm; 14 — III/18, ya.1-v.1, depth +136, No. 1 according to plan; 15 — I/5-3, № 53 according to plan, depth -129 cm; 16 — I/1-2, No. 32 according to plan, depth -183 cm; 17 — I/4-1, No. 7 according to plan, depth -118 cm; 18 — IX/6-1)

Вид Б: когти диких животных (3 экз.)

Тип 1 (2 экз.) (рис. 3.-4, 6) подвеска из когтевой фаланги медведя с просверленным в верхней части поперечным отверстием диаметром 0,2 см. Найдены: VII/я.7-в.1 и III/4-6. Размер в среднем 5×2,5×0,3 см. В обоих случаях сохранилось суставное основание. Аналогичное украшение найдено при раскопках именьковского Малополянского-V селища, а также на городище Уфа-II на уровне 7-го горизонта (Руденко, 1998, с. 185, 193, рис. 4.-9; Мажитов и др., 2009, с. 178, рис. 56.-1).

Тип 2 (1 экз.) (рис. 3.-7) коготь медведя (3,5×2,8×1,3 см) без отверстия. Найден: III/я.2-в.2. Фрагментированный медвежий коготь найден: IX/5-3. Такой же коготь найден на уровне 9-го горизонта на городище Уфа-II (Мажитов и др., 2009, с. 311, рис. 189.-7). Серия таких украшений происходит из верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011, с. 403, рис. 105.-1525/87, 1524/87, 1419/87, 1445/87).

Вид В: челюсти диких животных (2 экз.)

Тип 1 (2 экз.) нижние челюсти (правая и левая) крупных куниц с просверленными отверстиями (Аськеев И., Галимова, Аськеев О., 2012, с. 14, 15, рис. 4.-5). Они представляют собой парную пластинчатую кость, сращенную хрящевой тканью, длиной в среднем 51 мм, высотой 23 мм, на которой имеются резцы, клыки и коренные зубы (Харченко Н. А., Лихацкий, Харченко Н. Н., 2003, с. 72, рис. 1.-5-д; Ерахнович, Кирпанева, 2014, с. 201). Такие амулеты характерны для финно-угров Урала и Западной Сибири (Крыласова, Косинцев, 2021, с. 83).

Вид Г: трубчатые кости (1 экз.)

Тип 3 (1 экз.) (рис. 3.-18) пронизка (4,5×0,6 см) из трубчатой кости птицы с полым каналом диаметром 0,4 см. Цвет кости темно-коричневый. Поверхность имеет следы механических повреждений. Найдена: IX/6-1. Аналогичный артефакт найден на городище Уфа-II на уровне 6-го горизонта (Мажитов и др., 2009, с. 238, рис. 116.-3). Не исключено, что данное изделие могло использоваться в качестве духового (канального) аэрофона — манка (Лбова, Кожевникова, 2016, с. 57, 58, рис. 31.-11; 39.-4).

Вид Д: фаланги животных (4 экз.)

Тип 1 (3 экз.) (рис. 3.-2) подвески из фаланги средних пальцев чаще всего домашней или дикой свиньи (4×1,5×0,9 см). В верхней части фаланги имеется сквозное про-

сверленное отверстие диаметром 0,35 см. Найдена: IX/10–4. Фаланга тех же параметров, но без отверстия найдена на раскопе IX, на второй выборке сооружения 2 (МИТК, инв.№ II Тг-13/94). Более крупная фаланга (4,7×2×2 см) без следов обработки найдена на том же раскопе на участке 4 на 3-м пласте выборки культурного слоя (МИТК, инв.№ II Тг-13/27).

Тип 2 (1 экз.) (рис. 3.-3) подвеска или ее заготовка из накерненной фаланги животного (2,35×1,2×1,2 см). Одна сторона ее подполирована, с другой — намечено место для отверстия. Найдена: IX/1–3.

Отдел 2: из расщепленного клыка животного (1 экз.)

Вид А: подвески (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 3.-11) подвеска (3×0,7×0,2 см) пластинчатая кинжаловидная, желобчатая, со шлифованной поверхностью. В верхней, скругленной части имеется отверстие диаметром 0,2 см. Найдена: I/15–3.

Отдел 3: позвонки животных и рыб (1 экз.)

Вид А: рыбы позвонки (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) — позвонок костно-хрящевой рыбы со срезанными отростками; на месте спинномозгового канала просверлено отверстие. Зафиксирован один просверленный позвонок, но их, скорее всего, было больше. Эти артефакты специально не изучались.

Группа III — инструменты (23 экз.)

Отдел 1 — приспособления для сучения и наматывания ниток (2 экз.)

Вид А: прясла (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 3.-14) полусферической формы (МИТК, инв. № II ТГ-09/134). Диаметр изделия 4,5 см, высота 2,3 см, в центре просверлено отверстие диаметром 0,8 см. Сделано из бедренной головки (эпифиза) животного. Найдено: III/я.1-выб.1 (Руденко, 2011, с. 18, рис. 9.-1). Технология изготовления такого рода артефактов описана А. П. Бородовским (Бородовский, 1997, с. 172, табл. 11.-5, 6). Аналогии на именковских памятниках не известны.

Вид Б: крестовина для наматывания ниток (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 4.-1) изделие крестовидной формы (9,7×9,4×9,4×0,4 см) с заостренными окончаниями на трех лопастях треугольного сечения шириной 2,8–3 и 4 см, толщиной 0,4 см. Угол между лопастями составляет 30°, 30° и 65°. В плане артефакт — почти правильный равносторонний треугольник: расстояние между окончаниями лопастей 9, 10, и 9,5 см. В центре сделано круглое отверстие диаметром 2 см. Изделие выстругано ножом, им же подправлена поверхность артефакта и сделано отверстие, по крайней мере сглажены его края. Найдена: I/9–2 (Руденко, 2019, с. 23, ил. 35). Рядом был обнаружен спил рога — тип IA-1. Трехлопастное изделие было найдено на Именковском городище (Старостин, 1967, с. 83, табл. 18.-19).

Рис. 4. Инструмент из кости животного (1) и роговая муфта для псалии (2) (1 — I/10-2, № 14 по плану раскопа I, глубина -51 см; 2 — II/8-3, № 79 по плану раскопа, глубина +43 см)

Fig. 4. Animal bone tool (1) and horn coupling for cheekpiece (2) (1 — I/10-2, No. 14 according to excavation plan I, depth -51 cm; 2 — II/8-3, No. 79 according to excavation plan, depth +43 cm)

Отдел 2: инструменты для работы с кожей (10 экз.)

Вид А: ложила/гладилки (6 экз.)

Тип 1 (2 экз.) (рис. 5.-1, 4) полированное ложило из расщепленной длинной трубчатой кости животного. Первое изделие (16×3×1,1 см) пластинчатое, с небольшим изгибом, треугольного сечения (рис. 5.-1). Одно из окончаний артефакта имеет меньшую толщину

и закругленный край. Противоположный конец обрезан таким образом, что образовался небольшой выступ длиной 1 см. Второе лощило также полированное (рис. 5.-4), из призматической пластины прямоугольного сечения (1,3×0,3 см), темно-коричневого цвета. Найдены: IX/3-4 в напластованиях, отложившихся после прекращения функционирования имениковского металлургического горна в яме 5. Близкое по форме и, видимо, назначению изделие найдено на городище Ош-Пандо (Степанов, 1967, с. 80, рис. 37.-5). Такие предметы могли использоваться для заглаживания края, бахтармы и перегиба кожи.

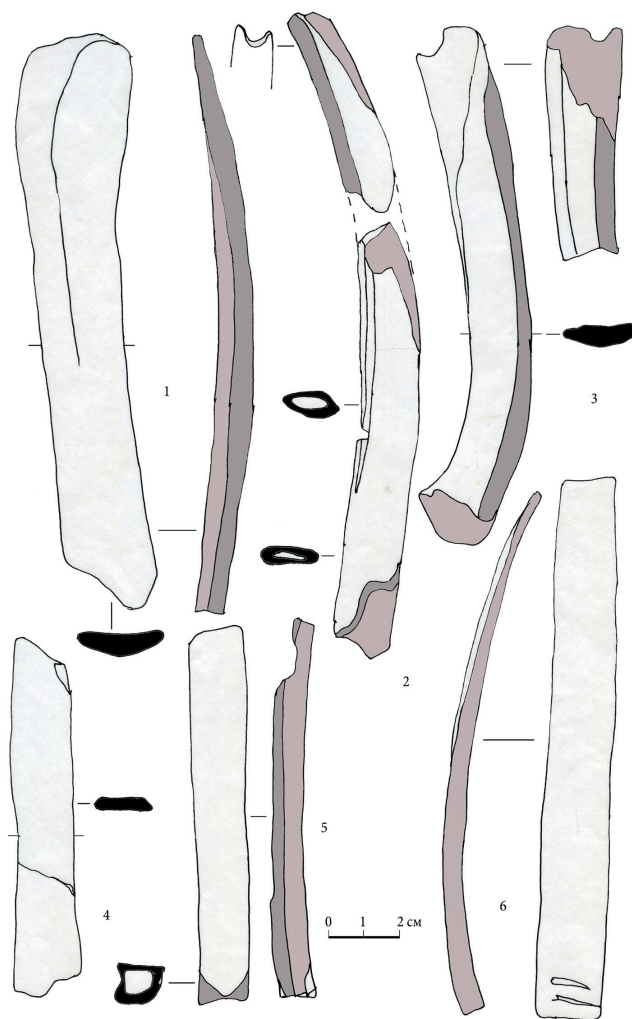

Рис. 5. Инструменты из ребер животных и расщепленной трубчатой кости (1, 4)
(1 — IX/3-4, № 62 по плану, глубина — 128 см; 2 — IX/1-4; 3 — IX/4-5-3, № 62 отвал; 4 — IX/3-4;
5 — VII/я.4-в.6; 6 — VII/8-2, глубина — 83 см)

Fig. 5. Tools made from animal ribs and split tubular bone (1, 4)
(1 — IX/3-4, No. 62 according to plan, depth — 128 cm; 2 — IX/1-4; 3 — IX/4-5-3, No. 62 moldboard;
4 — IX/3-4; 5 — VII/я.4-в.6; 6 — VII/8-2, depth — 83 cm)

Тип 2 (2 экз.) (рис. 5.-2, 3) изделия из ребра животного. Первая поделка (рис. 5.-3) (13,8×2,1×0,85 см), подовального сечения, что характерно для этой части скелета (Бородовский, 1997, с. 195, табл. 34.-1). С одной стороны окончание артефакта обломано, на втором имеется выемка радиусом 0,5 см. Поверхность отполирована с обеих сторон. Найдено на раскопе IX, на границе участков 4 и 5, на уровне 3-го пласта. Второе изделие (рис. 5.-2) полое, овального сечения (18×2,5×0,8 см), темно-коричневого цвета с черными подпалинами, отполировано с обеих сторон. Оно расколото на три почти равных по длине части (6×1,6×0,85–6,3×1,6×0,9–6,5×1,5×1 см). На утолщенном окончании артефакта сделана выемка радиусом 0,5 см. Поверхность ее отполирована. Найдено на том же раскопе, на участке 1, на уровне 4-го пласта. Являлись фальцевальной костью (фальцбейном) для работы с кожей. Не исключено, что эти артефакты использовались и как скобели (Кренке, 2011, с. 355, рис. 57.-1556/84).

Тип 3 (1 экз.) (рис. 5.-5) полированное изделие из полой трубчатой кости (9×1×1 см) квадратного сечения (1×1 см). С одной стороны его сделана выемка. Край трубки с противоположной стороны сточен. Найдено: VII/я.4-в.6. Аналогичное изделие обнаружено на городище Уфа-II (Мажитов и др., 2009, с. 238, рис. 116.-8).

Тип 4 (1 экз.) (рис. 5.-6) узкая выгнутая пластина (15,2×1,7×1 см) прямоугольного сечения (0,3–0,7×1,7 см). На более толстом окончании имеются следы двух надрезов шириной 0,1–0,2 см, оставленных лезвием ножа. С обеих сторон ребро обрезано ножом. Поверхность гладкая, но не полированная. Найдено: VII/8–2 на глубине –83 см от «0» раскопа. Близкие по форме инструменты, названные П. Д. Степановым гладилками, зафиксированы на городище Ош-Пандо (Степанов, 1967, с. 80, рис. 37.-1). Такого типа предметы могли также использоваться как костяные ножи и скобели.

Отдел 3: проколки (11 экз.)

Вид А: из грифельной кости передних или задних ног лошади (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) сохранилась треть изделия (6,2×1,7×1,15 см) — острое обломано. Найдено: IX/с.1-в.1. Бытовали в широком хронологическом диапазоне. Кости домашней лошади на раскопах встречаются в разных количествах. Наибольшее — на раскопах III–VII, где они составили 20,6% из более чем 4400 экземпляров костных остатков. При чем было установлено, что часть костей этих животных принадлежала верховым лошадям (Аськеев И. В., Галимова, Аськеев О. В., 2012, с. 8, 9, табл. 3). Значительное количество такого рода проколов обнаружено на городище Уфа-II (Мажитов и др., 2009, с. 300, рис. 178.-10).

Вид Б: из ребер туловищного отдела осевого скелета костистых и осетровых (*Acipenseriformes*) рыб (10 экз.)

Тип 1 (10 экз.) вытянутая изогнутая кость длиной до 12 см с острым концом, на котором имеются гладкие и полированные участки. Как правило, окончания у таких костей обломаны, что существенно затрудняет идентификацию. Встречаются они на всех раскопах. Узкой датировки не имеют.

Отдел 4: инструменты для плетения (2 экз.)

Тип 1 (2 экз.) (рис. 3.-1, 16) кочедык в виде чуть изогнутой пластины призматической формы (13,5×1×0,5 см) овального сечения в средней части (0,7×0,5 см)

со сквозным отверстием диаметром 0,25 см в верхней части. Края последнего заглажены от ношения на ремешке или веревочке. Сделан из расщепленной трубчатой кости. Верхняя часть от второго, фрагментированного кочедыка (4×0,5×0,3 см) (рис. 3.-16) также имеет отверстие, но с более заметными следами сработанности в виде полированных и сточенных участков на его внутренней стороне. Найдены: I/1-2 и IX/3-2.

Отдел 5: инструменты неопределенного назначения (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 3.-9) артефакт в виде стержня из роговой объемной пластины (3,3×2×0,3 см) прямоугольного сечения (2×0,3 см), с окончанием треугольной формы. Найден: III/12-4, на участке с сохранившимся слоем V (Руденко, 2011, с. 16, 17, 105, рис. 6.-4; 13.-2). Аналогичное изделие обнаружено на могильнике и святилище Подгоры-V в сооружении 70. У него имелось поперечное сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Верхняя часть этого изделия заполирована (Мышкин, 2013, с. 88, 114, рис. 21.-2).

Группа IV — предметы конской упряжи и снаряжения (3 экз.)

Отдел 1: детали конской упряжи (1 экз.)

Вид А: детали псалий (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 4.-2) подвижная муфта из рога, надевавшаяся на костяной псалий, предназначенная для фиксации кожаного грызла. Муфта (5,5×2,6×2,4 см) цельная, подпризматической формы со скругленными углами, эллипсоидная в сечении. В центре ее — сквозное отверстие овальной формы (2×1,5 см), края которого имеют следы сработанности от трения с контактной поверхностью. Одному из концов муфты придана цилиндрическая форма. Длина этой части изделия 1,6 см при диаметре 1,8 см. В этом цилиндре высверлен канал диаметром 1 см, соединяющийся с центральным отверстием. У основания этой небольшой втулки с обеих сторон просверлены отверстия диаметром 0,3 см. По краям их имеются следы стертости. Поверхность муфты гладкая, возможно, полированная. Найдена: III/8-3, в отложениях серой супеси, из которой состоит III стратиграфический слой, отложившийся в VI–VIII вв. (Руденко, 2010, с. 93–101; 2011, с. 15, 104, рис. 6.-3; 12.-9, 9а).

Аналогичные изделия обнаружены на памятниках кушнаренковской культуры: в погр. 1 Ново-Биккинского кургана, датированного рубежом VII–VIII вв., *in situ* на псалии, а также в погр. 175 Такталачукского могильника — VIII в. (Мажитов, 1981, с. 18, рис. 8.-23, 24; Казаков, 1981, с. 117, 121, 124, 125, рис. 2; 5.-31). Псалии, использовавшиеся с муфтами этого типа, относятся к кудыргинскому типу VI–VII вв. (Гаврилова, 1965, с. 83, рис. 16.-2, табл. VII.-1; XXXI.-34). Тетюшская муфта относится к комплексу кушнаренковских находок, зафиксированных на Тетюшском-II городище (Руденко, 2013). Близкие по форме и размерам изделия по материалам археологического комплекса Чобурак-I булан-кобинской культуры Алтая интерпретированы как детали рукоятей плетей (Серегин и др., 2023, с. 162, 163, табл. 85.-6–8).

Отдел 2: пряжки из рога (2 экз.)

Вид А: ременные пряжки конского оголовья (2 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 3.-8) пряжка вытянутой призматической формы с прямоугольным отверстием для ремня шириной 0,5 см при длине около 1,5 см. Расколота попо-

лам; рамка утрачена. Размеры сохранившейся части изделия — 5×1,4×0,8 см. Найдена: III/я.3-в.3. Дневной уровень ямы приходится на слой IVр (Руденко, 2011, с. 20, рис. 16.-8). Здесь же найден клык животного и раковина каури (Руденко, 2011, с. 20, рис. 16.-13). Близкая по форме пряжка найдена на городище Уфа-II (Мажитов и др., 2009, с. 178, 325, рис. 56.-1; 203.-7).

Тип 2 (1 экз.) (рис. 3.-5) половина пряжки (3×1,5×0,8–1 см) прямоугольной в плане формы, толщиной 0,8 см, с перпендикулярным прямоугольным отверстием для ремня (1,3×0,7 см) и продольным отверстием рамки (1,7×0,6 см). Для крепления язычка просверлено отверстие диаметром на входе 0,3–0,4 см; с внутренней стороны — диаметр 0,2 см, расширено до 0,4 см. Пряжка расколота пополам; утрачена нижняя часть изделия. Найдена: II/7–2, в IV слое. Напоминает костяную пряжку из азелинского погребения 229 Тетюшского-II могильника (Казаков, 2009, с. 31, рис. 4.-17). Датируются обе пряжки VI — началом VII в.

Группа V — предметы охоты (8 экз.)

Класс 1: костяные наконечники стрел (8 экз.)

Подробно изучены и классифицированы костяные наконечники стрел ананьинского времени на Средней Волге и в Камско-Вятском междуречье (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, с. 26–34, табл. 4, рис. 4–21; Збруева, 1952, табл. XLI; LVI.-1–3; Халиков, 1977, с. 204–206, рис. 76.-17–25, 27–29; Патрушев, Халиков, 1982, с. 185, табл. 48.-16–3). Имеются публикации таких артефактов Поволжья и Предуралья I тыс.н.э. (Мажитов, 1968, с. 122, табл. 3.-3–7; Степанов, 1967, табл. XX.-12–24; Генинг, 1963, с. 29, табл. XXI.-7–20). Наконечники стрел из кости имеются в азелинском Тетюшском-II могильнике (Казаков, 2009, с. 37, рис. 4.-5–11). Именьковские костяные наконечники стрел по данным на конец 1960-х гг. классифицировал П. Н. Старостин, отметив, что они, как правило, небольших размеров и имеют заполированную поверхность. Все наконечники он отнес к виду черешковых, разделив на четыре типа, которые он выделил по форме сечения пера. Это: 1) линзовидные; 2) прямоугольные; 3) ромбические и 4) восьмигранные (Старостин, 1967, с. 23, табл. 16). Два последних, по его данным, самые распространенные. Ученый обратил внимание, что на черешках костяных наконечников нередко можно увидеть перекрещивающиеся насечки для прочности крепления к древку.

Несмотря на то что возможности создать оригинальный вариант костяного черешкового наконечника при массовом их производстве ограничены, все же заметны отличия средневековых костяных наконечников от более ранних, что было отмечено А. Ф. Медведевым (Медведев, 1966, с. 87, 179, табл. 14.-35–38; 30Д.-107, 110–116). Более того, имеются территориальные и культурные особенности костяных наконечников I тыс.н.э. Это позволяет провести анализ тетюшских изделий с учетом хронологии.

По способу крепления костяные наконечники стрел с Тетюшского-II городища подразделяются на отделы (I, II), по сечению пера — на виды (А, Б...), по форме пера делятся на типы (1, 2...).

Отдел I: бесчерешковые (1 экз.)**Вид А: линзовидные в сечении (1 экз.)**

Тип 1 (1 экз.) (рис. 6.-5) листовидной формы из расколотой трубчатой кости — фрагмент (6,1×1,6×0,65 см). Найден: IX/8–4. Судя по аналогиям, датируется эпохой поздней бронзы — раннего железного века (Ашихмина и др., 2006, с. 139, рис. 17.-12). Не противоречат этому и стратиграфические данные. Отметим, что в захоронениях Тетюшского-I могильника этого времени костяных наконечников стрел не встречено.

Отдел II: черешковые (7 экз.)**Вид А: треугольные в сечении (3 экз.)**

Тип 1 (1 экз.) (рис. 6.-2) кинжаловидной формы (7×1,3×1 см), плечики четко выражены; переход от пера к черешку плавный. Черешок короткий, длиной 1,5 см, шириной 1 см при толщине 0,5 см, трапецевидного сечения. Одна сторона наконечника плоская, причем на черешке на ней на участке размером 0,7×0,3 см имеются насечки из тонких линий в виде «сеточки». Нижняя часть черешка объемная, полусферического сечения. С лицевой стороны наконечника видны следы обрезки заготовки для формовки черешка. Принимая во внимание исследование А. П. Бородавского, можно предположить, что в этом случае перо у этого наконечника изготовлено раньше черешка (Бородавский, 1997, с. 186, табл. 25.-10). Найден: III/11-1, в слое III-IVп — отложениях серой супеси (Руденко, 2011, с. 12, рис. 6.-1, № 9). Похожие наконечники найдены на Именьковском-I городище, а также в верхнем слое городища Ош-Пандо (Калинин, Халиков, 1960, с. 247, рис. 9.-8; Степанов, 1967, с. 206, табл. XX.-15). Сечение насада сегментовидной формы встречено на костяном наконечнике с именьковского Щербетьского-I островного селища (МА РТ, инв. № ГМТР, № 14883/3).

Скорее всего, наконечникам этого типа принадлежат четыре фрагмента, найденные: VII/я.5-в.5, I/4-2, I/19-3 и IX/7-1 (рис. 6.-9, 12-14). Об этом свидетельствует одна плоская сторона пера и насечки, нанесенные на черешок. У одного такого артефакта (рис. 6.-12) черешок длинный, соструганный до тонкой пластины прямоугольного сечения, у второго (рис. 6.-9) он был, вероятно, короче, но перо толще, поскольку было вырезано из расколотой трубчатой кости.

Тип 2 (1 экз.) (рис. 6.-3) с пером треугольной формы (8×1,5×0,9 см); плавным переходом от пера к черешку. Сечение пера — почти равносторонний треугольник (1×1,2 см). Кончик пера обломан. Черешок вытянутый, длиной 3 см, квадратного сечения (0,7×0,75 см); нижняя его часть частично утрачена. Наконечник вырезан из расколотой трубчатой кости. Пропорции 1:4. Скорее всего, по какой-то причине он не был завершен: острие срезано, черешок не сформован, перо намечено несколькими широкими срезами. Найден: II/3-5, точнее в яме, частично вошедшей в раскоп (Руденко, 2010, с. 136, 141, рис. 58.-1; 61.-1, 2, № 49). От аналогичного наконечника сохранился фрагмент острия пера (2,7×1×0,6 см), обнаруженный: VIII/2-4 (рис. 6.-11).

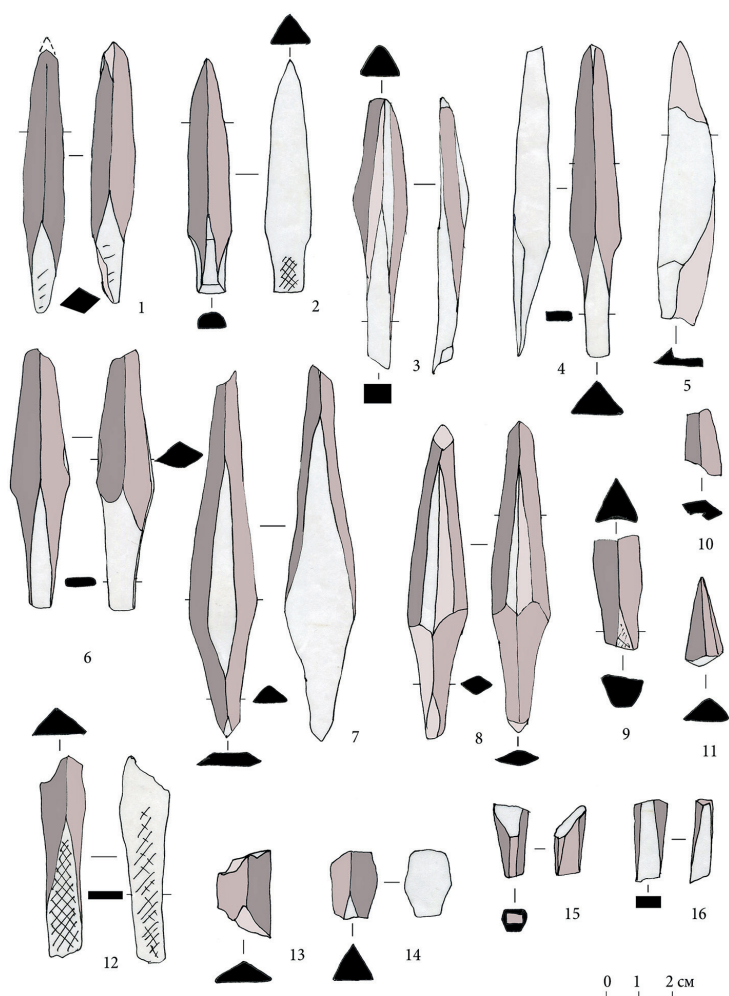

Рис. 6. Наконечники стрел из кости и рога и их заготовки (3, 5). Целые изделия: 1–8, и фрагменты:

9–10 (1 — V/я.3-в.4, № 8 по плану, глубина –172 см; 2 — III/11-1; № 9 по плану, глубина +142 см; 3 — II/3-5, № 49 по плану, глубина –56 см; 4 — I/я.6-в.4, № 2 по плану, глубина –166 см; 5 — IX/8-4; 6 — I/я.6-в.4, № 3 по плану, глубина –176 см; 7 — VIII/1-4, № 23 по плану, глубина –128 см; 8 — I/я.7-в.2, № 4 по плану, глубина –152 см; 9 — IX/7-1; 10 — III/я.5-в.4, № 10 по плану, глубина –65 см; 11 — VIII/2-4, № 10 по плану, глубина –113 см; 12 — VII/я.5-в.5, отвал; 13 — I/4-2, № 34 по плану, глубина –148 см; 14, 15, 16 — I/19-3, № 99 по плану, глубина –81 см)

Fig. 6. Bone and horn arrowheads and their blanks (3, 5). Whole items: 1–8, and fragments: 9–10 (1 — V/я.3-в.4, No. 8 according to plan, depth –172 cm; 2 — III/11-1; No. 9 according to plan, depth +142 cm; 3 — II/3-5, No. 49 according to plan, depth –56 cm; 4 — I/я.6-в.4, No. 2 according to plan, depth –166 cm; 5 — IX/8-4; 6 — I/я.6-в.4, No. 3 according to plan, depth –176 cm; 7 — VIII/1-4, No. 23 according to plan, depth –128 cm; 8 — I/я.7-в.2, No. 4 according to plan, depth –152 cm; 9 — IX/7-1; 10 — III/я.5-в.4, No. 10 according to plan, depth –65 cm; 11 — VIII/2-4, No. 10 according to plan, depth –113 cm; 12 — VII/я.5-в.5, spoil heap; 13 — I/4-2, No. 34 according to plan, depth –148 cm; 14, 15, 16 — I/19-3, No. 99 according to plan, depth –81 cm)

Тип 3 (1 экз.) (рис. 6.-4) с пером пирамидальной формы (9,3×1,5×1,1 см) с полыми асимметричными плечиками. Сечение пера — равнобедренный треугольник (1,5×1,3×1,3 см). Черешок вытянутый, заточенный к основанию, прямоугольного сечения (0,8×0,3 см), длиной 3 см. Пропорции 1:5. Изделие вырезано из рога (?) при параллельной обработке пера и насада (Бородовский, 1997, с. 187, табл. 26.-1). Найден: I/я.6-в.4. Был обнаружен вместе с костяным наконечником типа ПБ-1 (рис. 6.-6) на одной выборке и клыком кабана, зафиксированным на предыдущей выборке (Руденко, 2010, с. 42, ил. 61–63, рис. 37.-2, № 1–3). По комплексу находок сооружение датируется VI в. Близкие костяные наконечники происходят из погребений 77 и 17в Бирского могильника, где датируются V–VI вв., а также с 4-го горизонта городища Уфа-II (Мажитов, 1968, табл. 15.-15, 16; Мажитов и др., 2009, с. 237 рис. 115.-3). Встречен и фрагмент черешка такого типа поделки (рис. 6.-16). Последний найден: I/19–3 в слое IV.

К виду А, вероятно, относится фрагмент черешка, отнести который к конкретному типу невозможно (рис. 6.-15). Найден: I/19–3. Отметим, что треугольное сечение пера имеют и азелинские костяные наконечники стрел из Тетюшского-II могильника (Казаков, 2009, с. 37, рис. 4.-5–11). Однако они имеют резкий уступ при переходе от пера к черешку, другие пропорции и форму пера.

Вид Б: ромбовидные в сечении (3 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 6.-6) с пером пирамидальной формы (9,3×1,5×1,1 см) с полыми асимметричными плечиками. Сечение пера — ромб (1,5×0,8 см). Черешок вытянутый, призматический, прямоугольного сечения (1×0,3 см), длиной 3,2 см. Одна сторона его плоская, обратная — в верхней части имеет две широкие боковые фаски. Пропорции 1:5. Изделие вырезано из рога (?) при параллельной обработке пера и насада. Изготовлено аккуратно, поверхности ровные, без заусенцев. Найден: I/я.6-в.4, на глубине –176 см (№ 3 по плану), чуть ниже, чем наконечник типа II А-3. Датируется VI в.

Тип 2 (1 экз.) (рис. 6.-8) с пером пирамидальной формы, (9,5×1,8×0,5 см) без плечиков: низ пера сразу переходит в черешок такой же пирамидальной формы. Последний обструган с двух сторон под углом в 40°, что дает сечение в виде ромба (1×0,7 см). Длина черешка — 3,5 см. Сечение пера — подпризматическая фигура, шестиугольная в плане (1,3×0,4 см). Перо сначала было стесано с двух сторон, затем были сняты боковые фаски, что и дало шестигранную форму сечения. Окончание пера заточено под углом в 42°. Для придания остроты кончик пера срезан с одной стороны. Пропорции 1:4,5. Изделие вырезано из расколотой трубчатой кости (?) путем параллельной обработки пера и насада. Изготовлен наконечник аккуратно, поверхности ровные, подполированные, только при резке черешка прослежен асимметричный срез. Найден: I/я.7-в.2, на глубине –152 см от «0» раскопа (Руденко, 2010, с. 43, 44, рис. 39.-№ 4). Этот тип является переходным к виду В. Близкий по форме наконечник найден на Именьковском-I городище (Калинин, Халиков, 1960, с. 247, рис. 9.-19).

Тип 3 (1 экз.) (рис. 6.-1) листовидной формы (8×1,3×0,9 см): перо плавно переходит в насад, длиной 2,2 см, прямоугольного сечения (0,6×0,4 см), острие пера было заточено: острие треугольной формы (0,4×0,4 см). Перо изготовлено раньше насада. Найден: V/я.3-в.4 (Руденко, 2011, с. 47, рис. 38.-2; 40.-1).

Вид В: призматические в сечении (1 экз.)

Тип 1 (1 экз.) (рис. 6.-7) ромбовидной формы (11,5×2×0,4 см) с наибольшим расширением в нижней половине, без четко выраженного перехода от пера к черешку. Длина черешка — 3 см; окончание его заострено. Пропорции наконечника 1:2. Сечение пера трапецевидное, черешка — треугольное (1×0,5 см). Перо имеет две плоскости, с которых сняты с боков фаски шириной 0,3–0,5 см. Верхняя часть пера длиной 3 см, пирамидальной формы, ромбического сечения (0,8×0,8 см). Насад изготовлен позже пера. Острие наконечника обломано на треть. Найден: VIII/1–4. Аналогичный наконечник найден на Именьковском-I городище (Калинин, Халиков, 1960, с. 247, рис. 9.-7). Крупный экземпляр наконечника этого типа (15,2×1,9×0,35 см) обнаружен на именьковском Щербетьском-I островном селище (МА РТ, инв. № ГМТР, 14883).

Группа VI — предметы неопределенного назначения (4 экз.)

Вид А: пластинчатые артефакты (4 экз.)

Тип 1 (1 экз.) пластина тонкая изогнутая (3,7×2,9×0,35 см), трапецевидной формы, с круглым отверстием диаметром 0,15 см. Найдена: IX/3–2.

Тип 2 (1 экз.) (рис. 3.-10) роговая объемная пластина трапецевидной формы (3,3×2,1×0,7 см); в сечении — пятиугольник. Края ровные. На поверхности — губчатое вещество. Найдена: I/4–2.

Тип 3 (1 экз.) (рис. 3.-15) фрагмент трапецевидной формы (1,5×1,2×0,2 см) от прямоугольной (?) пластины, украшенной циркульным орнаментом. Сохранилось три кружочка с точкой в центре диаметром 0,4 см. Найдена: I/5–3.

Тип 4 (1 экз.) (рис. 3.-17) неорнаментированная пластина квадратной формы, клиновидного сечения (1×1,2×0,3 см). Найдена: I/4–1.

Обсуждение

Если сравнить находки из кости и рога с памятников именьковской КИО, то отметим, что большая их часть происходит с поселений. Костяных поделок в погребальном инвентаре немного. О них мы можем судить по находкам в биритуальных Коминтерновском-II и Новославском-II могильниках (далее соответственно: К-II и НС-II). Это наконечники стрел (К-II, п. 7, 66) гребень (К-II, п. 43) накладки на лук (К-II, п. 60, 66, 84; НС-II), проколка (НС-II) (Казаков, 2020, с. 63, 91, 102, 110, рис. 15.-6, 7; 43.-46; 55.-6; 58.-11–16; 64.-3; Казаков, Валиев, Петрова, 2022, с. 404, рис. 10.-19, 23). В некрополях только с кремациями таковые изделия, по вполне понятным причинам, отсутствуют.

На поселениях ассортимент поделок из кости и рога представительнее. По данным на середину 1960-х гг. это бытовые изделия, инструменты и предметы охоты/вооружения (Старостин, 1967, с. 79, 83, табл. 16; 18.-1, 4–7, 10–20). Характерно, что следов рого- и костеобработки на поселенческом материале немного. На памятниках предыменьковского времени типов Царев Курган и Сиделькино-Тимяшево в Самарском Поволжье костяные изделия единичны (Сташенков, 2005, с. 65, 94, рис. 5.-3; 40.-1).

Анализ материалов из раскопок Тетюшского-II городища свидетельствует, что здесь отсутствуют следы массового косторезного производства или рогообработки. По крайней мере явных свидетельств такого ремесла или промысла, как это засвидетельствова-

но на археологических памятниках разных эпох (Бородовский, 1997, с. 42, 43), на данном поселении не выявлено. Большая часть найденных предметов — это уже готовые изделия, и даже отходы производства использовались как инструменты (рис. 1.-6). Максимум, что можно предположить, — что единичные поделки изготавливались в домашних условиях с помощью простейших инструментов, например железного ножа, которые часто встречаются на городище.

Поскольку памятник многослойный, то часть находок из кости и рога относятся к раннему средневековью (именьковская КИО), а часть — к эпохе поздней бронзы — раннему железному веку. Причем часть последних артефактов была зафиксирована в переотложенном состоянии, поскольку ранние напластования были переработаны в именковское время. По той же причине фрагменты керамики и предметы эпохи поздней бронзы — раннего железного века попадали в заполнение именковских ям. Такая ситуация зафиксирована на всех раскопах 2007–2013 гг. К ранним находкам можно отнести подвески из клыков и когтей медведя, некоторые украшения из клыков кабана, костяное прясло из эпифиза головки бедренной кости, свиные фаланги, а также один наконечник стрелы (рис. 4.-5).

Отметим, что среди украшений-натуралий преобладают клыки крупных диких животных: медведя и кабана. Определенной стандартностью отличаются костяные наконечники стрел, хотя и здесь имеется своеобразие как в изготовлении, так и в особенностях формы, хотя все они без исключения относятся к черешковым.

Заключение

Изучение коллекции изделий из кости и рога Тетюшского-II городища показало, что подавляющая часть их представлена готовыми изделиями. Даже сырьевые материалы — и те могли быть использованы в ремесле или промыслах. С другой стороны, с учетом простейших приемов изготовления практически все изделия производились жителями этого поселения в домашних условиях. Единичные изделия, например муфта для псалия, могли быть привозными. Особенность рассмотренного материала — наличие поделок разных эпох: от эпохи поздней бронзы до раннего железного века и раннего средневековья. Они типологически различны, да и стратиграфические уровни залегания в большинстве случаев дают возможность определить время бытования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аськеев И. В., Галимова Д. Н., Аськеев О. В. Археозоологические исследования Тетюшского II городища (раскопки 2009 и 2010 гг.) // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань: РИЦ «Школа», 2012. С. 8–22.

Антипина Е. А. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный. Археологические материалы. Технология горнометаллургического производства. Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.

Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шаталов В. А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 12)

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 112 с.

Гасилин В. В., Гимранов Д. О., Косинцев П. А. Промысел куниц (род *martes*) населением Поволжья и Южного Урала в голоцене // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Т. 20, № 1. С. 139–148.

Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов // Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. 2. Ижевск; Свердловск: Удм. Республ. краевед. музей, 1963. С. 7–144 (Вопросы археологии Урала. Вып. 5).

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге: (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.

Ерахнович А. А., Кирпанева Е. А. Анатомические особенности строения костей нижней челюсти у енотовидной собаки и куницы // Студенты — науке и практике АПК. Витебск: ВГАВМ, 2014. С. 201.

Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: АН СССР, 1952 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 30).

Казаков Е. П. Кушнаренковские памятники нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 115–135.

Казаков Е. П. Тетюшский могильник азелинской культуры // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 31–44.

Казаков Е. П. Волго-Камье в эпоху Тюркских каганатов. Книга первая: Коминтерновский-II могильник. Казань: АН РТ, 2020. 148 с. (Серия: Археология евразийских степей. Вып. 26).

Казаков Е. П., Валиев Р. Р., Петрова Д. А. Могильники устья р. Камы // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. IV: Эпоха Великого переселения народов. Казань: АН РТ, 2022. С. 387–406.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Именьковское городище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III. М.: АН СССР, 1960. С. 225–250 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 80).

Козло П. Г. Дикий кабан. Минск: Ураджай, 1975. 223 с.

Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Крыласова Н. Б., Косинцев П. А. Амулеты-натуралии из костей млекопитающих в средневековом Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. История. 2021. Т. 52, № 1. С. 81–93 DOI: 10.17072/2219-3111-2021-1-81-93

Лар Л. А., Ощепков К. А., Повод Н. А. Духовная культура ненцев // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. С. 50–112.

Лбова Л. В., Кожевникова Д. В. Формы знакового поведения в палеолите: музыкальная деятельность и фоноинструменты. Новосибирск: НГУ, 2016. 180 с.

Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс.н.э. М.: Наука, 1968. 162 с.

Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н., Исмагилов Р. Б., Бахшиева И. Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Т. III. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009. 368 с.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1–36).

Мышкин В. Н. Могильник эпохи раннего Средневековья у с. Подгоры на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара: Самарское архивное общество, 2013. С. 73–118.

Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 280 с.

Петрова Д. А., Вязов Л. А., Мясников Н. С., Сташенков Д. А., Зыль А. В. Амулеты-натуралии именьковской культуры (III–VII вв.) // Уфимский археологический вестник. 2024. № 4 (24). С. 721–742.

Руденко К. А. Малополянское V селище // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара: СОИКМ, 1998. С. 185–197.

Руденко К. А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань: Заман, 2010. 152 с.

Руденко К. А. Древние Тетюши: археологическое исследование. Казань: Заман, 2011. 144 с.

Руденко К. А. О характере взаимоотношений кочевых утров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. Т. 8, № 2. С. 58–74.

Руденко К. А. Металлургическое производство VI–VII вв.н.э. на Тетюшском II городище в Татарстане // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 1(25). С. 16–28. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-02

Серегин Н. Н., Матренин С. С., Тишкин А. А., Паршикова Т. С. Алтай в предтюрокское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 7).

Сидорович В. Е. Норки, выдра, ласка и другие куньи. Минск: Ураджай, 1995. 191 с.

Скоробогатов А. М. Изделия из клыка кабана в неолите — энеолите Восточно-Европейской степи и лесостепи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 10–27. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-10-27

Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. М.: Наука, 1967. 100 с. (САИ. Вып. Д 1–32).

Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. М.: СОИКМ; ИА РАН, 2005. 150 с. (Серия: Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей. Вып. 7).

Степанов П. Д. Ош Пандо. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. 212 с.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Харченко Н. А., Лихацкий Ю. П., Харченко Н. Н. Биология зверей и птиц: учебник для вузов. М.: Академия, 2003. 384 с.

Харючи Г. П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.

REFERENCES

Askeev I. V., Galimova D. N., Askeev O. V. Archaeozoological Research of the Tetyushi II Settlement (excavations in 2009 and 2010). In: Research in Medieval Archaeology of Eurasia. Kazan: RIC «Shkola», 2012. Pp. 8–22. (*In Russ.*)

Antipina E. A. Archaeozoological Materials. In: Kargaly. Volume III: Mountain Settlement. Archaeological Materials. Technology of Mining and Metallurgical Production. Archaeobiological Research. Moscow: Jazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. Pp. 182–239. (*In Russ.*)

Ashikhmina L. I., Chernykh E. M., Shatalov V. A. The Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Implements of the Ananyin era (1st millennium BC). Izhevsk: UdGU, 2006. 220 p. (Materials and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition. V. 12). (*In Russ.*)

Borodovsky A. P. Ancient Bone Carving in the South of Western Siberia (second half of the 2nd millennium BC — first half of the 2nd millennium AD). Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1997. 224 p. (*In Russ.*)

Gavrilova A. A. The Kudyrga Burial Ground as a Source on the History of the Altai Tribes. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 112 p. (*In Russ.*)

Gasilin V. V., Gimranov D. O., Kosintsev P. A. Marten Trade (genus *martes*) by the Population of the Volga region and the Southern Urals in the Holocene. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* = *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2013;20(1):139–148. (*In Russ.*)

Gening V. F. The Azelinskaya Culture of the 3rd–5th Centuries. Essays on the History of the Vyatka Region in the Era of the Great Migration of Peoples. In: Works of the Udmurt Archaeological Expedition. Vol. 2. Izhevsk; Sverdlovsk: Udm. Respubl. kraeved. muzej, 1963. Pp. 7–144 (Problems of Archaeology of the Urals. Issue 5). (*In Russ.*)

Gening V. F., Khalikov A. Kh. Early Bulgars on the Volga: (Bolshe-Tarkhansky Burial Ground). Moscow: Nauka, 1964. 201 p. (*In Russ.*)

Erakhnovich A. A., Kirpaneva E. A. Anatomical Features of the Structure of the Lower Jaw Bones in the Raccoon Dog and Marten. In: Students — to Science and Practice of the Agro-Industrial Complex. Vitebsk: VGAVM, 2014. Pp. 201. (*In Russ.*)

Zbrueva A. V. History of the Population of the Kama Region in the Ananyino Era. Moscow: AN SSSR, 1952 (Materials and Studies on Archaeology of the USSR. No. 30). (*In Russ.*)

Kazakov E. P. Kushnarenkov Sites of the Lower Kama Region. In: On historical Monuments along the Valleys of the Kama and Belaya. Kazan: IYaLI KFAN SSSR, 1981. Pp. 115–135. (*In Russ.*)

Kazakov E. P. Tetyushsky Burial Ground of the Azelinskaya Culture. In: Materials and Research on Medieval Archaeology of Eastern Europe. Kazan: RIC «Shkola», 2009. Pp. 31–44. (*In Russ.*)

Kazakov E. P. Volga-Kama Region in the Era of the Turkic Khaganates. Book one: Komintern-II Burial Ground. Kazan: AN RT, 2020. 148 p. (Series: Archeology of the Eurasian steppes. Issue 26). (*In Russ.*)

Kazakov E. P., Valiev R. R., Petrova D. A. Burial Grounds of the Mouth of the Kama River. In: Archaeology of the Volga-Urals: In 7 vol. Vol. IV: The Era of the Great Migration of Peoples. Kazan: AN RT, 2022. Pp. 387–406. (*In Russ.*)

Kalinin N. F., Khalikov A. Kh. Imenkovo hillfort. In: Works of the Kuibyshev Archaeological Expedition. Vol. III. Moscow: AN SSSR, 1960. Pp. 225–250 (Materials and Studies on Archaeology of the USSR. No. 80). (*In Russ.*)

Kozlo P. G. Wild boar. Minsk: Uradzha, 1975. 223 p. (*In Russ.*)

Krenke N. A. Dyakovo Settlement: the Culture of the Population of the Moscow River Basin in the 1st Millennium BC — 1st Millennium AD. Moscow: IA RAN, 2011. 548 p. (*In Russ.*)

Krylasova N. B., Kosintsev P. A. Naturalia Amulets Made of Mammal Bones in the Medieval Perm Cis-Urals. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Perm University. History*. 2021;52(1) 81–93 DOI: 10.17072/2219–3111–2021–1–81–93 (*In Russ.*)

Lar L. A., Oshchepkov K. A., Povod N. A. Spiritual Culture of the Nenets. In: Ethnography and Anthropology of Yamal. Novosibirsk: Nauka, 2003. Pp. 50–112. (*In Russ.*)

Lbova L. V., Kozhevnikova D. V. Forms of Sign Behavior in the Paleolithic: Musical Activity and Phonoinstruments. Novosibirsk: NGU, 2016. 180 p. (*In Russ.*)

Mazhitov N. A. The Bakhmutino Culture. Ethnic History of the Population of Northern Bashkiria in the Middle of the 1st Millennium AD. Moscow: Nauka, 1968. 162 p. (*In Russ.*)

Mazhitov N. A. Kurgans of the Southern Urals the 8th–12th cc. Moscow: Nauka, 1981. 164 p. (*In Russ.*)

Mazhitov N. A., Sungatov F. A., Sultanova A. N., Ismagilov R. B., Bakhshieva I. R. Ufa-II Hillfort. Materials of Excavations of 2008. T. III. Ufa: GUP RB UPK, 2009. 368 p. (*In Russ.*)

Medvedev A. F. Hand Throwing Weapons. Bow and Arrows, Crossbow the 8th–14th cc. Moscow: Nauka, 1966. 184 p. (SAI. Issue E1–36). (*In Russ.*)

Myshkin V. N. Early Medieval Burial Ground near the Village of Podgory on the Samarskaya Luka. In: The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (Based on Archaeological Sites in the Samara Region). Samara: Samarskoe arhivnoe obshchestvo, 2013. Pp. 73–118. (*In Russ.*)

Patrushev V. S., Khalikov A. Kh. Volga Ananyino (Senior Akhmilovo Burial Ground). Moscow: Nauka, 1982. 280 p. (*In Russ.*)

Petrova D. A., Vyazov L. A., Myasnikov N. S., Stashenkov D. A., Zyl A. V. Amulets-Naturalia of the Imenkovo Culture (3rd–7th centuries). *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2024;4(24):721–742. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. Malopolyanka V Settlement. In: Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the First Millennium A. D. (questions of chronology). Samara: SOIKM, 1998. Pp. 185–197. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. Tetyushi II Hillfort in Tatarstan. Kazan: Zaman, 2010. 152 p. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. Ancient Tetyushi: Archaeological Research. Kazan: Zaman, 2011. 144 p. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. On the Nature of the Relationship between the Nomadic Ugrians and the Sedentary Population of the Middle Volga Region in the “Era of the Great Migration of

Peoples" (Based on the Materials of the Tetyushi II Hillfort in Tatarstan). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* = *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2013;8(2):58–74. (In Russ.)

Rudenko K. A. Metallurgical Production of the 6th-7th Centuries AD at the Tetyushskoe II Settlement in Tatarstan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* = *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019;1(25):16–28. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-02 (In Russ.)

Seregin N. N., Matrenin S. S., Tishkin A. A., Parshikova T. S. Altai in the Pre-Turkic Period (on the materials of the Choburak-I archaeological complex). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2023. 432 p. (Archaeological sites of Altai. Iss. 7). (In Russ.)

Sidorovich V. E. Minks, Otters, Weasels and Other Mustelids. Minsk: Uradzha, 1995. 191 p. (In Russ.)

Skorobogatov A. M. Products Made of Boar Tusk in the Neolithic-Eneolithic of the East European Steppe and Forest-Steppe. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* = *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*. 2020;5(II):10–27. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-5-10-27. (In Russ.)

Starostin P. N. The Sites of the Imenkovo Culture. Moscow: Nauka, 1967. 100 p. (SAI. Issue D 1–32) (In Russ.)

Stashenkov D. A. Sedentary Population of the Samara Forest-Steppe Volga Region in the 1st-5th Centuries A. D. Moscow: SOIKM; IA RAN, 2005. 150 p. (Series: Early Slavic World: Archaeology of the Slavs and Their Neighbors. Issue 7). (In Russ.)

Stepanov P. D. Osh Pando. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1967. 212 p. (In Russ.)

Khalikov A. Kh. Volga-Kama Region at the Beginning of the Early Iron Age (8th-6th centuries BC). Moscow: Nauka, 1977. 264 p. (In Russ.)

Kharchenko N. A., Likhatsky Yu. P., Kharchenko N. N. Biology of Animals and Birds: Textbook for Universities. Moscow: Akademiya, 2003. 384 p. (In Russ.)

Kharyuchi G. P. Nature in the Traditional Worldview of the Nenets. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustraciya, 2012. 160 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор Казанского государственного института культуры, Казань, Россия.

Konstantin A. Rudenko, Doctor of History, Professor, professor Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.08.2025;

одобрена после рецензирования 08.09.2025;

принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 11.08.2025;

approved after reviewing 08.09.2025;

accepted for publication 18.09.2025.